

Анна Премоли

ПРОСТАЯ
ИСТОРИЯ
ЛЮБВИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
П71

Anna Premoli
È SOLO UNA STORIA D'AMORE

Серия «Книжная LOVEстори»

This edition was published by arrangement with
MalaTesta Literary Agency, Milan,
and ELKOST International Literary Agency, Barcelona.

Оформление *Виктории Давлетбаевой*

Премоли, Анна.

П71 Простая история любви: [роман] / Анна Премоли; — [перевод с итальянского Дроздова Полина Борисовна]. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — Книжная LOVEстори).

ISBN 978-5-17-164118-4

Эйдан Тайлер получил Букеровскую премию за свой первый роман. Но после этого карьера встала на паузу. За много лет не вышло ни одной книги. В попытке встряхнуться писатель принимает участие в телешоу, на котором резко критикует любовные романы. Это фиаско.

Чтобы восстановить репутацию, Эйдан решает написать любовный роман. Но все не так просто. У него есть конкурент — Лорел, чьи книги расходятся миллионными тиражами. Она с самого начала не испытывает симпатии к Эйдану, и это взаимно. Но все ли так однозначно? Возможно, их ненависть может легко переродиться в нечто противоположное... стоит только узнать друг друга получше. А заодно написать еще пару любовных романов...

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Copyright © 2016
Newton Compton editori s.r.l.,
all rights reserved.

© Дроздова П. Б., перевод, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-164118-4

Алессандре —
женщине в окружении всех вообразимых
и невообразимых оттенков розового.
Силы и мужества!

Я влюбился в тебя
случайно, от нечего делать,
днем я хотел с кем-то встречаться,
а по ночам — о ком-то мечтать.
Я влюбился в тебя
от невыносимого одиночества,
днем я хотел говорить о своих мечтах,
а по ночам — говорить о любви.

*Луиджи Тенко,
«Я влюбился в тебя»*

— А с чего все началось? — спросила она. — Я могу понять, что, однажды зародившись, ваши чувства ко мне стали постепенно расти, но что заставило вас влюбиться в меня изначально?

— Я не могу назвать времени, или места, или взгляда, или слов, ставших началом моей любви. Это было слишком давно. Я был влюблен еще до того, как сам осознал это.

*Джейн Остин,
«Гордость и предубеждение»*

ГЛАВА 1

Эйдан

Ненавижу Нью-Йорк в конце октября.

Ну правда, я не понимаю: какой смысл торчать в месте, где царят настолько жуткий холод и влажность, в месяце, который и сам по себе уже ничем особенным не отличается, при том, что у меня есть дом в Санта-Монике, гораздо более солнечной и уютной в это время года.

Мне нравится думать, что я — парень не промах, а парни не промах, если у них есть выбор между вечными ливнями и неизменным солнцем, как правило, выбирают последнее.

Вот именно — как правило.

Проблема в том, что в моей жизни присутствует куча людей, убежденных, будто высокая влажность способствует вдохновению, но с учетом моего не слишком прочного положения мне трудно доказать им, как сильно они неправы. Именно поэтому в конце концов и случился Нью-Йорк в октябре.

К моему большому сожалению.

— Ну что... — осторожно начинает мой агент, а по совместительству и давний друг Норман Моррисон, слегка подавшись над рабочим столом в мою сторону. Я неоднократно подкалывал его тем, что родители одарили его не самым удачным сочетанием какого-то бухгалтерского имени с фамилией рок-звезды. Ему следовало бы сменить либо одно, либо другое, потому что, стоящие рядом, они производят довольно нелепое впечатление. Почти выводящее из равновесия. Да, я из тех, кто способен выйти из равновесия даже из-за такой ерунды.

— Ну что, — эхом откликаюсь я в свою очередь, старательно изображая на лице ослепительную дежурную улыбку. Если я что и усвоил в эти последние несколько лет, так это то, что когда речь заходит о делах, друг перестает относиться к тебе как к другу. И уж тем более когда деньги, выложенные на условный стол, составляют не самую пустячную сумму.

— У тебя все хорошо — теперь, когда ты снова вернулся в Нью-Йорк? — интересуется он притворно-небрежным тоном.

Мне непонятно, к чему он тратит время на светские любезности вместо того, чтобы спросить меня напрямую. Все эти танцы вокруг неудобной темы начинают действовать мне на нервы. В том числе и потому, что теперь я, можно сказать, свыкся — читай, смирился — с тем, что всех людей, с которыми я так или иначе общаюсь, интересует исключительно одно: когда выйдет моя новая книга? Никто не спрашивает меня, что я думаю о президентских выборах и о шансах Трампа на то, что он станет президентом и поведет страну к гибе-

ли, никого не волнует мой скромный взгляд на скачкообразное повышение ставок ФРС. Весь ужас в том, что в отношении любой темы мне найдется сказать больше, чем в отношении моей книги.

Потому что нет никакой книги.

Есть только полное дерьмо.

А Норман не вчера родился.

— Все отвратительно, спасибо, что спросил. Из-за этой гнусной нью-йоркской погоды сразу вылез наружу весь мой ревматизм.

— У тебя нет ревматизма, *Эйдан*, — возражает он с привычно-хмурым выражением лица.

— Ты ошибаешься: у меня *не было* ревматизма. В Калифорнии. Но с тех пор, как я снова оказался в Нью-Йорке, он появился как по волшебству. Милый подарочек от этого бесконечного дождя. Ты знаешь, что на этой неделе здесь пролилось воды больше, чем в Шотландии? Как раз вчера вечером об этом говорили в новостях...

Норман вздыхает и молча пристально смотрит мне в глаза. На мгновение я задаюсь вопросом, не готов ли он уже выйти из себя. Этот человек славится своим безграничным — порой едва ли не до смешного — терпением, но я — не самый легкий в общении собеседник. Можно сказать, совсем наоборот.

— Нет вдохновения? — интересуется он наконец уныло.

Я мог бы ему соврать, как всегда делал это раньше, но, может, дело в возрасте — в конце концов, тридцать пять лет дают о себе знать, — а может, меня уже самого достали все те сказки, которыми я кормлю и се-

бя, и всех окружающих, но в кои-то веки я решаю положить ему все начистоту.

— Нет, никакого, — отвечаю я делано легким тоном. Кто-то из нас двоих должен сохранять боевой дух. И уж конечно, не стоит ожидать, что это будет Норман.

Вместе мы с ним составляем чудную пару: я — пуштоголовый придурок, а он — вечно мрачный бирюк. Из нас двоих мог бы получиться один нормальный человек.

— Черт побери... — бормочет мой агент, нервно проводя рукой по волосам и ероша свою светлую шевелюру, обычно уложенную волосок к волоску. — Ты понимаешь, что издательство просто растерзает нас на куски, если мы не представим вовремя что-нибудь, хотя бы *похожее* на роман? Эйдан, они заплатили внушительную сумму вот уже три года назад, а у нас нет даже начальных глав!

Как будто я нуждался в его напоминании... Неужели он думает, что за весь мой день найдется хоть одна минута, когда я не проклиная себя за то, что не в состоянии написать эту проклятую книгу?

Когда-то писательство было единственным, что и правда давалось мне легко. Да, я был надутым индюком с бесстыжей рожей и ужасным характером, но я хотя бы умел писать. И в этом было существенное отличие. Теперь же все мои жуткие недостатки так и остаются при мне, однако у меня нет ничего, что могло бы их уравновесить. Кто бы мог подумать, что эта проклятая Пулитцеровская премия, которую я получил пять лет назад, фактически ознаменовала собой

мой конец? Жизнь часто смеется над нами, и довольно жестоко.

— Не переживай. У нас еще есть пара месяцев, чтобы что-нибудь представить... — Я стараюсь говорить убедительно, хотя и сам не верю собственным словам. Одно дело — оптимизм, и совсем другое — явное безумие. Невзирая на бесчисленное множество моих недостатков, мне нравится питать иллюзии, что во мне осталось хоть какое-то подобие здравомыслия.

Норман смеется, хотя ему явно совсем не весело.

— Ты вообще отдаешь себе отчет, что у тебя было три года, когда ты мог заниматься исключительно этим новым проектом, и ты палец о палец не ударил? Целых три года, Эйдан!

Когда он так себя ведет, он напоминает мне моего отца. Вернее, нет, поправлюсь, он даже хуже моего отца.

— Да, три года. Но писателю нужна перезарядка, ему нужно жить, чтобы найти желанное вдохновение...

— Жить? Бегая по пляжу за пустоголовыми блондинками? — закипает он.

— Ну, они не все пустоголовые, — с готовностью поправляю его я. — Иногда какой-нибудь из них даже удается вставить в разговор пару осмысленных фраз. Подряд, я имею в виду.

— Это не смешно, — сухо заявляет он.

— Ошибаешься, очень даже смешно. Вот только внезапно все перестали понимать мое чувство юмора. Ты же помнишь, это та самая смесь цинизма и иронии, благодаря которой у меня разошлось несколько миллионных тиражей?

— Ну да, но с тех пор прошло уже пять лет и ситуация чуточку изменилась...

— Теперь продается одна только галиматья, — решительно провозглашаю я.

Это моя отмазка номер один. Вот уже несколько лет. Я бы вытатуировал на себе эту фразу, если бы не боялся иголок и не испытывал предубеждения против того, что делается навсегда.

— Ну хорошо, ты не коммерческий автор, это мне ясно. Но писательский крах тебе теперь уже не грозит. Ведь для того, чтобы убедиться, что продажи провалились, нужно для начала хотя бы выпустить книгу, тебе так не кажется? — Его голос полон сарказма.

Да, мне так кажется. Чертов Норман.

— Я никогда и ни при каких обстоятельствах не дам в издательство какую-нибудь дрянь. Это будет или шедевр, или ничего, — упорствую я.

И это моя отмазка номер два, если это кого-то интересует.

Мой агент закатывает глаза в надежде, что ему будет послано побольше терпения. Он чувствует, что оно ему понадобится.

— Издательство не просит тебя писать еще одну «Войну и мир», если вдруг тебе это еще не ясно. Им будет довольно и того, что ты состряпаешь какой-нибудь посредственный романчик, способный претендовать на приличный тираж.

Я четко улавливаю главное слово всей его речи: посредственный. Неужели я докатился до того, что посредственность — это максимум, на который я могу надеяться? Как человеку, всегда гордившемуся своей исключительностью, это резкое столкновение с посредственностью — или действительностью — причиняет мне сильную боль.

— Всему виной моя жизнь. В ней нет вдохновения, — отвечаю я заученным тоном. Я уже столько раз повторял эту фразу, что больше мне в голову уже ничего не приходит.

— Ну так найди его где-нибудь! Напиши хоть что-нибудь, черт тебя побери! Видишь вон тот шкаф, справа от тебя? Он ломится от книг, которые авторы приносят мне по две-три штуки в год!

Я поворачиваю голову в указанном направлении и в ужасе округляю глаза. О боже, не может же Норман всерьез сравнивать мои сочинения — без ложной скромности блестящие, пусть и не слишком многочисленные, — с глупыми любовными романчиками, которые пользуются сейчас таким успехом.

Не выдержав, я начинаю хохотать.

— Любовные романы, Норми? Ты и в самом деле предлагаешь мне брать пример с подобного литературного отстоя?

— Любовные романы продаются, дорогой мой. А ты никогда не спрашивал себя — почему? Да потому что людям нравятся душевные истории любви! А что если тебе тоже попробовать свои силы в этом жанре? — внезапно осеняет его.

Я смотрю на него во все глаза, опасаясь, что он совсем съехал с катушек. Может, пока меня не было, он успел пристраститься к наркотикам?

— Подожди-ка, я не пойму, ты сейчас *серьезно* предлагаешь мне написать какую-то любовную ерунду? Мне? Страдающему гению современного американского романа? — театрално изумляюсь я.

— Ты *был* страдающим гением. Теперь ты — всего лишь парень, которому придется вернуть полмиллио-

на долларов, если через два месяца издательство не получит какой-нибудь мало-мальски приличный текст. А у тебя есть эти полмиллиона? — спрашивает он чуть ли не с удовлетворением.

Нет, черт побери.

И он это прекрасно знает.

— Разумеется, нет, — отвечаю я, заметно сбавив недавний гонор. По правде говоря, в последние пять лет мой образ жизни был... как бы это сказать... несколько *эксцентричным*. А эксцентричность в наше время стоит недешево.

— Вот именно. А значит, почему бы тебе не поразмыслить над идеей написать одну из таких *банальных* историй любви, благодаря которым процветает мировая издательская индустрия? — с этими словами Норман слезает со своего древнего кресла и направляется к шкафу, битком набитому книгами в отвратительно ярких обложках. Выудив из него какую-то книженцию, он протягивает мне. Но с каких пор цвет фуксии стал считаться социально приемлемым? Неужели за то время, что я проторчал на пляже, мир настолько испортился?

Я чувствую, как все мое тело безотчетно стремится отпрянуть от источника этого раздражающего, назойливого, жуткого цвета. Я не прикасаюсь ко всякой дряни, чтоб вы знали.

— Делайла Ди? — я произношу красующеся на обложке имя писательницы со всем сарказмом, который только может вызвать подобное имечко. Честно говоря, полагаю, что даже у порнозвезд не всегда бывают настолько абсурдные имена. — Норми, да у тебя

что, крыша поехала, чтобы представлять интересы этих авторов?

Он смотрит на меня необыкновенно серьезно.

— У Делайлы Ди за пять лет вышло двенадцать книг. *Двенадцать*, Эйдан! И каждая ее книга продается немислимым числом экземпляров, ее можно назвать настоящей звездой...

— Дамских романов, — напоминаю я, не утерпев. Не самая маловажная деталь, как мне кажется.

— Что, прости?

— Можешь называть ее хоть королевой, но правит она, тем не менее, лишь в области любовных романов. А эта область в моих глазах не столь уж и привлекательна...

Мой друг делает глубокий вдох, пытаюсь сдержать гнев.

— Тебе бы следовало ее прочесть, — настаивает он. И снова протягивает мне проклятую книженцию.

— Ну хорошо, как-нибудь, но сначала мне придется переделать кучу других дел — яйца, например, побрить... Норман, я тебя в сотый раз спрашиваю: ты что, серьезно? Это же какая-то фигня для теток с нулевым ай-кью. Ты говоришь о дрянной макулатуре, не заслуживающей даже стоять на книжной полке. — Я продолжаю свою речь, распаяясь все больше и больше, потому что, черт побери, меня уже откровенно достали писаки, кропающие коммерческие книги с той же легкостью, с какой они ходят в магазин за продуктами, в то время как мне не удастся написать ни одной нормальной страницы. Более того, я до смерти ненавижу любого, кто смог написать двенадцать книг, пока я так и не продвинулся дальше